

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

ИДЕНТИЧНОСТЬ И КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТАХ ИММИГРАЦИИ

А.И. Куропятник*

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Контексты и контекстуальность рассматриваются в статье как инструменты анализа современной иммиграции. Первый контекст характеризует ее как фактор глобальной конкуренции. Типичная исследовательская модель иммиграции «донор»-«реципиент» дополняется третьим агентом взаимодействия — политико-экономическими центрами мира, мировыми транснациональными компаниями. Они являются настоящей приглашающей иммигрантов стороной. Их цель — перераспределение рабочей силы по наиболее важным рынкам труда современности. Иммиграция используется в качестве инструмента корректировки социальной политики государства. Иммиграция вносит свой вклад в культурную и социальную фрагментацию Европы. Второй контекст иммиграции посвящен изучению применения принципа рационализации как формы европейской экспансии. Вслед за А. Туреном в статье высказывается мнение, что рационализация как форма экспансии и как одна из характеристик европейской цивилизации означает разрушение социальных и культурных констелляций. По отношению к иммиграции современная Европа представлена как разделенная на две части. Западная часть или группа стран воспроизводит модель иммиграции, характерную в прошлом для стран классической иммиграции. Она открыта иммиграции. Восточная группа стран воспроизводит отношение к иммиграции старой Европы и отличается «закрытостью». Определяющим фактором этого процесса является сила притяжения экономических и финансовых центров мира. Ее новое содержание состоит в том, что она становится преимущественно безвозвратной. Третий контекст иммиграции основан на провозглашении приоритета культуры, традиции и ценности национального сообщества. Иммиграция для него нежелательна. Иммиграция не является трудовой. Она не рассчитана на местные рынки труда. Иммигранты являются беженцами. Их существование обеспечивается частично за счет бюджетных средств. К иммигрантам предъявляются высокие интеграционные требования, предполагающие изучение национального языка, культуры и норм общественной жизни принимающего общества.

Ключевые слова: социология миграции; социальная антропология миграции; иммиграция; контексты иммиграции; культура; идентичность; Европейский Союз; глобализация

На фоне новейших политико-экономических, социальных и культурных событий, происходящих на Европейском континенте, тема миграции опять приобрела высокую актуальность среди исследователей и политиков. На этот раз в центре

* © А.И. Куропятник, 2016.

дискуссией оказалась проблема иммиграции, которая в большинстве стран Евросоюза воспринимается как настоящее испытание, выпавшее на долю европейской солидарности, экономической и культурной безопасности Европы, а также на долю формирующейся в настоящее время новой европейской идентичности и морали. В контурах последней возникают опыты общественных переживаний, миграционных ситуаций, позволяющих дифференцировать потоки социальных и культурных событий в актуальные контексты современности. В рамках одного из них значение имеют глобальные предпосылки миграции как формы социальной турбулентности и изменений. В границах другого актуальным становится империалистическое накопление капитала и последствия европейской экспансии в неевропейские миры. В связи с чем особое значение приобретает рационалистическое отношение к миграции, ее культурному и социальному потенциалу. В контурах третьего на первый план выступает задача переосмысления идентичности и культуры в обществах, балансирующих между «территориалистской» (Д. Арриги) и капиталистической стратегиями формирования и поддержки национальной государственности [3. С. 76].

В каждом из выделенных аспектов контекстуальности ситуаций миграции общим выступает наличие характерного отправного момента анализа, в фокусе которого концентрируются линии взаимосвязей, действующие силы, внешние обстоятельства и, наконец, смыслы изучаемых социальных событий. В соответствии с этим в данной работе «контекст» понимается не как периферийный план значений и смыслов современных миграционных процессов, но как способ их выявления и интерпретации.

ИММИГРАЦИЯ КАК ФАКТОР ГЛОБАЛЬНОЙ КОНКУРЕНЦИИ

Противоречивость миграции определяется ее неизбежностью. Благодаря вовлеченности в процессы капиталистического накопления она легко трансформирует текущие формы локальности в глобальные феномены и культурные прецеденты. Чаще всего именно эти аспекты социокультурной реальности принимаются как наиболее значимые для анализа последствий миграции и оптимизации интеграции. Основой рабочей модели ее изучения выступает взаимодействие, актуализирующее дихотомическую структуру отношений «донор»—«реципиент», в других случаях — «иммигранты» — «принимающее государство». При этом в ее границах не выделяются, как правило, другие важные участники процесса взаимодействия, например, транснациональные компании, международные банковские структуры, правительства, обеспечивающие интересы международных бизнес-организаций, которые действительно выступают в роли «приглашающей», иницирующей иммиграцию стороны, но которые остаются зачастую в тени и, как следствие, вне сферы научного анализа. Тем самым ошибочно признается, что они не более других вовлечены в отношения между иммигрантами и принимающей средой.

Неудивительно поэтому, что контуры взаимодействий между указанными агентами — «донором» и «реципиентом» при участии «третьего игрока» — фор-

мируются вне логики ожидаемой социальности и культуры. Вероятно, они развиваются по правилам доминирования и «подражания» (Ф. Бродель), согласно которым формируют свои отношения производственные и финансовые центры капитализма. Целью последних является привлечение дешевой рабочей силы, концентрация капитала, борьба за власть и ресурсы в рамках национальных и транснациональных проектов. Целью национальных правительств при этом выступает решение демографических проблем, изменение социальной и профессиональной структуры населения и ряда других вопросов. Ясно, что в обоих случаях иммиграция выполняет утилитарную функцию, направленную на изменение численности и качества населения, а также качества принимающего общества.

В капиталистических экономиках подобные изменения воплощаются не только посредством развития инноваций, но также благодаря применению известного рода социальной инженерии, направленной на ввоз и концентрацию в определенных местах или производственных сферах рабочей силы — иммигрантов. Значение имеют при этом такие их культурные, этнические, социальные характеристики и опыты мобильности, принесение которых в принимающее общество сделает его похожим на лидирующее общество, обладающее технологиями и темпами развития, характерными для мировых экономических и политических центров.

При этом неважно, становятся ли иммигранты гражданами принявшей их страны, легальными трудящимися, или остаются нелегалами. Одним лишь фактом своего присутствия они создают ситуацию турбулентности на региональных и местных рынках труда. Стремление к выравниванию шансов между конкурирующими странами, группами стран, предприятиями предполагает в таких случаях применение аналогичных мер оптимизации рынка рабочей силы путем повторения, копирования стратегий развития в экономике, оказывающих специфическое влияние на плотность и направленность миграционных потоков, на динамику трансформаций культуры мигрантов и культуры принявшего их общества.

Еще совсем недавно каждое национальное государство имело свои модели регулирования иммиграции и отношений с иммигрантами. Задача оптимизации миграционных процессов, сохранения традиции и культуры возлагалась на институты государства и решалась ими. Однако в настоящее время, в условиях доминирования наднациональных, международных политических и финансовых структур, изменения моделей политической, социальной и экономической эффективности, полномочия национальных государств существенно сокращаются, а в ряде случаев поглощаются коллективными экономическими, политическими или военными проектами, например, Евразийским экономическим союзом, Евросоюзом, НАТО. И даже при таком положении дел упомянутый выше третий участник всемирной миграционной ситуации предпочитает оставаться невидимым, скрываться в зазеркалье технологий организации глобальной социальной мобильности и конкуренции.

Следуя современной формуле успеха, он не стремится «...развивать привязанностей, особенно сентиментальных, к вещам, местам, включая результаты собственной деятельности» [4. С. 135].

Его особенность состоит в том, что он постоянно остается неявленным. Реальны лишь его экспликации в виде международного долгового рынка, миграционных потоков, кредитов и глобальных угроз.

Увеличивая территорию и численность населения, предоставляя новые возможности для перераспределения рабочей силы, межкультурного смешения и социальной интеграции, Евросоюз как «третий глобальный игрок» живет тем не менее с оглядкой на эти экспликации. Он опасается то иммиграции, то перспективы жить в условиях господства США и Китая, то экономического кризиса, расхваливая преимущества коллективности перед своими членами, благодаря которой голос каждого из них непременно будет в мире услышан [8. С. 18].

Справедливо считая себя крупнейшим объединением государств современности, Евросоюз балансирует в поле возможностей обретенного положения. С некоторых пор он предпочитает включать в свой состав не крупные европейские государства, но государства-карлики без собственной экономики, в которые он вместе с партнерами превратил уже Югославию, и в которые будет пытаться превратить также другие страны, втянуть их в реальность эпохи меньшинств. Сценарий принуждения к демократии и коллективности был предсказан задолго до бомбежек Ирака [4. С. 200—206]. «На сегодняшний день последней страной, вошедшей в состав Европейского Союза, — пишет Э. Гидденс, — стала Хорватия. Очень важно добиться того, чтобы ее соседи, и прежде всего Сербия, рано или поздно последовали ее примеру. Важнейшим достижением было бы добиться того, чтобы все балканские страны вошли в ЕС и стали его полноправными членами» [8. С. 19].

Иммиграция также вносит свой вклад в культурную и этническую фрагментацию Европы, все больше превращая ее в пространство разнообразия, в «островное» пространство меньшинств.

Вопреки известным подходам, миграционный контекст этих событий состоит не в подсчетах допущенных в страну иммигрантов, погибших, пострадавших и бежавших от войны людей, не только в поисках военных преступников и решениях Гаагского трибунала, но в первую очередь — и это самое важное — в готовности сильных мира сего, не раздумывая, развязать войну ради обогащения и господства. «Черный передел» мировых сырьевых ресурсов, территорий, рабочей силы идет полным ходом. Быть сильным — значит быть богатым. Как заявлял в 1980-е гг. ведущий экономист Банка Японии Хироши Такеучи, слабый всегда работает на сильного. В связи с чем «задача Японии будет состоять в помощи Соединенным Штатам посредством экспорта наших денег для перестройки вашей экономики. Это свидетельствует о том, что наша экономика в своей основе слаба. Деньги идут в Америку, потому что вы в своей основе сильны» [3. С. 55]. Иммиграционные потоки, как и потоки финансов, также устремляются к сильным экономикам и центрам военно-политического доминирования.

КОНТЕКСТ «БЕЗМЫСЛЕННОСТИ» ИММИГРАЦИИ

Мир за двадцатый век мало чему научился. Сразу после Второй мировой войны Ханна Арендт, подчеркивая гуманитарную несуразность империалистических целей обогащения, средств их достижения и судеб человечества, писала о том,

что «...в сравнении с конечным результатом — разорением всех европейских стран, крушением всех западных традиций, угрозой существования всех европейских народов и моральным опустошением огромной части западного человечества — существование небольшого класса капиталистов, чье богатство подорвало социальное состояние их стран, а производственная мощь расшатала экономические системы их народов, что заставило их рыскать алчным взглядом по земному шару в поисках выгодных инвестиций для избыточного капитала, — поистине мелочь. Эта пагубная несоразмерность причины и следствия как исторически, так и экономически лежит в основе бесчеловечной абсурдности нашего времени» [2. С. 13—14]. Ее не стоит искать в формировании общеевропейского правового, политико-экономического и социокультурного пространства Евросоюза, в давлении иммигрантов на национальные и общеевропейские институты или мультикультурализме. Это несомненное будущее Европы. И она им успешно занимается. «Бесчеловечная абсурдность нашего времени» как проекция, контекст современной миграционной ситуации состоит не в самой миграции или ее последствиях, а в актуальном переосмыслении ее феномена, новой ее философии, в соответствии с которой иммигранты в массе своей перестают быть «кочевниками» и все чаще становятся безвозвратными переселенцами.

Современный глобальный миграционный процесс, таким образом, выступает новейшим клоном исторически известного процесса массового перемещения людей за океан. Как мы теперь знаем, векторы такого движения не имеют значения. Главное, — оно не предполагает возвращения. Оно рассчитано на освоение и признание новых мест локализации как «своих» — будь то в географии, обществе или культуре. Именно поэтому иммиграция современная преисполнена ожиданием ритуальности, чистоты в межкультурном взаимодействии, упрощения смыслов общего для иммигрантов и принимающего общества культурного пространства, направленного на вытеснение из сферы культурного контакта паттернов одного из взаимодействующих агентов.

Апеллируя к уровню жизни национального большинства, иммиграция создает дополнительные стимулы для формирования групп этнических и национальных меньшинств как субъектов перераспределения национальных и глобальных ресурсов.

Таким образом, в местах «входа», в границах общего социокультурного пространства, на основе технологий «подражания» и универсализации, перестраиваются реальные конфигурации культуры, а в ряде случаев изымаются актуальные культурные паттерны принимающей группы как не отвечающие взглядам и культурным запросам иммигрантов. В частности, в Европе переосмысляются: образ Санта Клауса, европейская детская игрушка, рождественская елка, религиозные святые европейцев, отношения между женщинами и мужчинами, между родителями и детьми. И если раньше европейцы уже испытали ответственность за культурный империализм в виде возвратной миграции в метрополию, то сегодня они познают реверсивный характер стигмы, навязанной ими миру неевропейской культуры. Но не ясно пока, кому это выгодно — иммигрантам, принимающему населению, светским, духовным властям, приглашающим иммигрантов

правительствам или глобальным транснациональным компаниям. Очевидным является только одно — кризис европейской «коллективной идентичности, проявляющийся, — по словам Ричарда Керни, — в эрозии прежних идеологий и заставляющий все более уходить в себя, впадая временами в эксцессы неистового национализма и расизма» [10. С. 12]. Именно под их влиянием обретают силу новые интерпретации эсэсовских «фабрик смерти», детских концлагерей, нацистской символики на центральных площадях европейских столиц и маршей ветеранов СС. Картина абсурдности европейского времени дополняется реконструкциями структур типа СС, наделенных мандатами национальных парламентов и ожиданием неизбежности власти.

Вследствие этого паттерны, олицетворявшие прежде духовность, преемственность европейской культуры, ее память и особое место в истории человечества, обретают сегодня бесформенные, несвойственные ей смыслы, которые, вслед за Ханной Арендт, было бы правильно называть «безмысленностью» [1. С. 12—13]. Именно в контурах «безмысленности» формируется первый и самый важный контекст современной иммиграции. Как представляется, его мало изучать в терминах протеста принимающей стороны или в рамках теорий идентичности, как недостаточно объяснять неизбежность издержек иммиграции в категориях конфликта, перераспределения ресурсов или жизненного пространства между национальным большинством и религиозными, этническими группами иммигрантов. Ее контексты, несомненно, нужно изучать как упрощение отношения к иммиграции и принимающим обществам, как инструмент реинтерпретации национальной идентичности и культуры, как фактор изменения общественного сознания и переписывания истории, как оправдание радикальной политики и военной риторики.

В той мере, в какой тема иммиграции ускользает из поля интересов гражданского общества, она становится исключительным достоянием формальных институций — пропагандистских агентств, статистических бюро, комитетов, комиссий. В них иммиграция осмысляется в понятиях утилитарности. Во-первых, с точки зрения ее полезности для пополнения рынка труда, во-вторых, — для изменения характеристик населения в целом. Именно в этой сфере иммиграция заставляет обращать внимание на культурное, этническое смешение, межкультурную коммуникацию, перемещение рабочей силы в центры развития производства, плюрализацию образов и стилей жизни как на формы взаимного подражания, выравнивания экономических, социальных и культурных возможностей конкуренции между ведущими промышленными и финансовыми центрами мира: США, Китаем, Евросоюзом, странами БРИКС, Евразийским экономическим союзом. Подобные действия «по инерции» не просто оптимизируют иммиграцию, но задают направление иммиграционным потокам. Вследствие этого они могут рассматриваться не только в качестве защиты от реальности, но как древнейший инструмент корректировки социальной политики, формирования определенных стратегий поддержания государственности. И если раньше, чтобы «добыть» недостающее население, нужно было идти войной, нести непомерные, скорее, непоправимые человеческие и материальные потери, то теперь «работа социального воображения» (А. Ападурай), основанная на рекламных роликах, убедительно

демонстрирующих преимущества жизни и работы в новой стране и на новом месте, побуждает мигрантов пуститься в путь.

Контекст «безмысленности» иммиграции усиливается еще и тем, что опаленные, раздавленные бедой люди попадают в социальные пространства и общества, где отсутствие войны обескураживает тишиной и суетой повседневности, а ощущение мира вызывает невероятно долгие мгновения отчаяния от перенесенных страданий и потерь. Здесь оправдано ожидание протянутой руки и участие. Но даже они в контекстах современной иммиграции находятся под подозрением из-за калейдоскопа образов, вовлеченных в поток иммиграции как действительно спасающих себя от войны женщин, детей и мужчин, так и бегущих других, торопливо становящихся в очередь за пособиями и удобствами жизни, созданными чужими руками. И если одним достаточно участия и веры в свои силы, чтобы увидеть горизонты будущего, то другим важна «тирания покаяния», осознание ответственности за происходящее теми, кто протягивает руку спасения. Именно этой, другой частью иммигрантов они воспринимаются не как радушные хозяева, а как ответственные за темные страницы европейской биографии, в которых отношения с Востоком предстают как хрупкие границы, отделяющие Европу от ее «собственной низости» [6. С. 46]. Перед этой частью иммиграции долг можно компенсировать только одним способом — поделиться с ней благополучием, а также толерантностью, очищающей пространство контакта от европейской культурной традиции и устоявшихся норм жизни. В таком случае иммигрант, — человек из другого мира, превращается в своеобразный феномен, позиционирующий себя в новой, принимающей среде как символическое напоминание о двойных стандартах, колониализме и несправедливостях европейцев по отношению к его миру. Но так ли все однозначно?

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО: ИММИГРАЦИЯ КАК «ЗЕРКАЛО ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА»

Люди нередко думают о том, как выглядят со стороны. Другого человека, мнением которого мы интересуемся, который и есть, в сущности, наше зеркало («зеркало для человека» — К. Клакхон), по разным причинам мы подменяем обычным зеркалом и этим вполне удовлетворяемся. И если в обыденной жизни, в воображаемом культурном пространстве, своей «стерильной» социальной среде мы можем об этой подмене не думать, жить по инерции, то в контексте миграции мы думать об этом обязаны, потому что от этого зависит наше прошлое, настоящее и будущее. В каждом из названных элементов историко-культурного и социального континуума иммигранты борются за культуру принявшего их общества как за инструмент его освоения. В такой ситуации общество иммиграции в той же степени нуждается в толерантности и защите, как и мигранты.

Понятно, что здесь толерантность не может быть просто привычкой или обычаем. Последние «исчезают с пугающей скоростью, с какой их забывают и перестают им следовать, если только новые обстоятельства требуют перемен в манерах и схемах поведения» [1. С. 13]. Толерантность не может быть здесь также

терпимостью, как «безмысленность» оправданием. Она может быть приглашением к осмысленной гражданской позиции, ответственному к себе отношению, к своей истории и культуре. Толерантность здесь — это умение признавать себя и других.

Мы часто находимся в ситуации, институционально корректно оформленной, но двусмысленной, когда говорим, заботимся об иммигрантах, пишем о них книги, предлагаем «золотые клетки» в виде политик позитивной дискриминации, особый статус, уважение, но не социальное партнерство. Социальное партнерство требует другого характера и содержания социальных отношений, потому что основывается на ответственности и равноправии, предполагающих равную степень участия и равную меру ответственности за события, действия, музыку, песни, фильмы и совместную повседневность, инициаторами или участниками которых мы выступаем. Весьма показательны в этом смысле слова бывшего Президента Ирана М. Хатами, — «Нередко мы сталкиваемся с тем, — подчеркивал он, — что в востоковедении к Востоку относятся как к объекту изучения, а не как ко „второму участнику диалога“. Для того чтобы действительно состоялся настоящий диалог между цивилизациями, совершенно необходимо, чтобы Восток стал подлинным участником обсуждения, а не оставался только объектом изучения» [15. С. 401].

В этой связи важно напомнить, что толерантность в форме политкорректности — вплоть до отказа от своей культуры — воспринимается людьми из других стран и культурных миров как-то по-своему, иначе, чем это можем вообразить себе мы. Можно представить, что наше радушное, исполненное саморазрушительного культурного символизма предложение конкретным иммигрантам «чувствовать себя как дома» вполне воспринимается ими как возможный сценарий их собственного будущего здесь, исполненного доброжелательства, но лишённого религиозного и осмысленного культурного содержания. Вполне вероятно, что именно эта перспектива по-настоящему их пугает. Неудивительно, что спасение при этом они ищут в религиозных практиках, в этнической самодеятельности, совместных празднованиях, социальных связях по земляческому, родственному или культурно-религиозному признакам, постепенно отдаляясь от культурно и религиозно других.

На первый взгляд, в таком способе поддержания своей системы ценностей нет ничего предосудительного. Даже — напротив, его можно приветствовать. Но именно такого рода практики оказывают решающее воздействие на появление религиозных, этнических и «культурных островов», когда за границами последних теряется нить осмысленного существования общего социального пространства, в котором важно жить и строить планы на будущее совместно с культурно другими, а не проповедовать «островной» порядок устройства человеческого общества.

ИММИГРАЦИЯ КАК ПРЕОДОЛЕНИЕ ЕВРОПОЦЕНТРИЗМА

Второй контекст иммиграции в некотором смысле связан с первым и, может быть, даже является его продолжением. В его основе находится принцип европоцентризма — то есть такой порядок отношений между агентами, в соответствии с которым правила игры меняются только в интересах одного — наиболее

сильного из них, но всегда в ущерб интересам другого. В этом смысле интересны два теоретических положения, сформулированные А. Туреном.

Одно из них гласит, что в основе западных представлений о модернизации лежит идея революции, провозглашающая, с одной стороны, принцип разрушения до основания, а с другой, — принцип созидания. Второй принцип как раз и содержит объяснение общего механизма их действия.

«Европейский опыт, — пишет А. Турен, — который так долго господствовал на мировой сцене, черпал свою силу, жестокость и пугающую способность к экспансии главным образом в уверенности, что современность должна быть создана исключительно усилиями разума и что ничто не должно противостоять тому универсализирующему влиянию, которое разрушит все социальные и культурные традиции, верования, привилегии и сообщества» [14. С. 98].

В контексте сказанного движение населения в форме иммиграции выполняет двоякую функцию. С одной стороны, оно способствует изменению верований, традиций, социальных связей, высвобождает силу мобильности самих мигрантов. С другой, — трансформирует контуры социальных, культурных и информационных полей, преобразуя человеческий потенциал, превращая творческую энергию миграции в инструмент обогащения и силы. Поддержание рациональности в ущерб культуре здесь является условием осуществления господства.

Это означает, что сохранение культуры, религии и традиции не является первоочередной задачей агентов, реализующих стратегии экономической, военной и информационной экспансии. Тем более что они могут не принадлежать к так называемому принимающему обществу, а быть третьей стороной, например, сырьевой транснациональной кампанией. В этом контексте иммиграция приобретает еще и значение феномена, включающего в себя не только обездоленных войной или безработицей иммигрантов или просто людей, ищущих возможностей профессиональной самореализации, но так называемых «новых кочевников», путешествующих со своими несметными капиталами по сырьевым и людским клондайкам в целях обогащения, не неся никакой ответственности ни перед правительствами, ни перед странами их принявшими [4. С. 202].

В русле второго контекста иммиграция в странах Евросоюза рассматривается национальными и общеевропейскими институтами как способ улучшения демографических показателей, увеличения численности работоспособного населения, желательного с высшим или иным специальным профессиональным образованием, обеспечения социальных гарантий пенсионерам и другим категориям граждан. Типичными элементами дискурса иммиграции в Германии, например, являются экспертные мнения, что население страны к 2060 г. уменьшится с 77 до 62 млн жителей. И для того чтобы избежать дефицита рабочей силы, а также других социальных проблем, необходимо ежегодно завозить 27 000 хорошо образованных молодых людей [17].

В соответствии с этим часть населения в странах западного крыла Евросоюза или «старой Европы» считает иммиграцию положительным фактором изменений в экономике, культуре и обществе. Демонстрации в поддержку иммиграции и иммигрантов, организованные в этой части Евросоюза, свидетельствуют о рациональном к ней отношении, а также об определенных демографических и социаль-

ных выгодах такой позиции. Например, по данным Евростата на январь 2014 г. в большинстве стран «старой Европы» доля иммигрантов составляет более 7% населения. Исключением здесь являются Франция, Нидерланды, Финляндия и Чехия, в которых доля иммигрантов меньше этой цифры. В восточной группе стран Евросоюза доля иммигрантов в структуре населения в основном не превышает 1,5%, исключением являются только Эстония и Латвия [16. Р. 20]. Таким образом, линия открытости национальных границ иммиграции в Европе отчетливо обозначена. Страны «старой Европы» имеют сильные экономики, переосмысливают себя как общества иммиграции и делают ставку на общеевропейские ценности, тогда как на Востоке Евросоюза слабость национальных экономик компенсируется возрастанием роли этничности и культуры, закрытостью стран для иммиграции. Как представляется, именно эта причина лежала в основе общеевропейской дискуссии о квотах на иммигрантов [11].

Современный дискурс иммиграции приобрел в Европе значения, характерные для стран классической иммиграции, где политика привлечения в страну иностранцев была нацелена в основном на решение демографических проблем и пополнение рынков труда. Исходя из этого, по способам воспроизводства населения страны мира до настоящего времени подразделяются на две группы — на так называемые страны классической иммиграции: США, Канада, Австралия и др., которые решали свои демографические задачи путем ежегодных квот на ввоз иммигрантов из Европы, Азии и Латинской Америки, и на государства, обеспечивающие прирост численности населения в целом за счет внутренних ресурсов и незначительной внутрирегиональной иммиграции. Это в основном страны Европы, Азии, Африки и Латинской Америки.

В европейских странах реализуются проекты, аналогичные демографическим проектам стран классической иммиграции. По отношению к иммиграции они также подразделяются на две группы. Одна из них, — западная группа стран Евросоюза, — подобно Австралии, США и Канаде, осознают себя обществами иммиграции. Другая, — восточная группа стран, — подобно старой Европе поддерживает обособленность и закрытость национальных границ.

И если в западной группе Евросоюза поддерживается высокий интерес к иммиграции, то в странах классической иммиграции, в частности в США, современное отношение к иммиграции существенно изменилось. «Взгляды на иммиграцию обнаруживают еще больший регресс. По тому вопросу, в котором Соединенные Штаты когда-то были примером для всего человечества, — пишет Фарид Захария, — страна заняла позицию оскалившегося зверя. Если прежде мы жаждали быть пионерами во всех видах новых технологий, то теперь мы смотрим на инновации со страхом: мы боимся перемен [9. С. 69]. Таким образом, общество, принимающее мигрантов, непосредственно вовлечено в иммиграцию, ее динамику и сопутствующие ей перемены. Изменения затрагивают при этом не только сферу производства и политики, но также сферу культуры, предполагающей новые темпы изменений в образовании, образах жизни и идентичности. С учетом этих обстоятельств формируются новые подходы к изучению различных комбинаций взаимодействий иммигрантов, принимающего населения и «третьих акторов».

В сложившихся условиях ни одних, ни других, ни третьих уже невозможно рассматривать по-старому - как монолитные, гомогенные социальные и культурные образования, как застывшие во времени традиции, формы социальной жизни и центры политико-экономического доминирования и управления.

В силу разных причин, в том числе и в силу миграционного прошлого, им присуща внутренняя экономическая, культурная и социальная неоднородность, подвижность. Коллективное осознание этой гетерогенности в границах принимающего общества, например, вынуждает артикулировать групповые интересы. В их контурах оформляются противоречия, конкуренция, борьба за ресурсы, социальная иерархия, стремление к присвоению социальных и физических пространств [7. С. 57].

Линии социокультурных конфигураций в зонах взаимодействия, как линии потенциального соприкосновения, в том числе и с новыми иммигрантами, становятся не просто более протяженными, но значительно более мобильными, проницаемыми для контактов.

В эти процессы и отношения в определенной форме и на сходных основаниях вовлекаются и иммигранты, которых также нельзя рассматривать как целостную монолитную культурную или этническую группу. Часто даже в пределах «одной национальности» они представляют собой этнический и культурный калейдоскоп групп. Сообщества мигрантов имеют сложную социальную иерархическую структуру. Уже только эти факторы указывают на то, что они не готовы к сценарию ускоренной интеграции и ассимиляции. Зачастую именно в силу этого они становятся объектами манипуляции. Особенно в форме колонизации, определяющей прибыли от локализации и близости к источнику ресурсов [7. С. 57—58]. В контекстах всех этих условий и противоречий иммигранты выступают в роли новых агентов социальных пространств и ситуаций, привносящих миграционный контекст в актуальные информационные, социальные и культурные события современности. Например, в Германии все политические партии привлекают выходцев из республик бывшего СССР в качестве своих избирателей.

Представляется, что в новейших исследованиях иммиграции важно учитывать изменение отношения к дихотомической оппозиции коренного населения и мигрантов. Ведь в реальности редкостью являются группы населения, а также индивиды, не имеющие «за плечами» миграционной истории. Терминологические упражнения в этой сфере сопряжены часто с неясными дефинициями. Каждый вид и тип миграции имеет свои контекстуальные особенности, социальные и культурные конфигурации. В связи с этим представления о миграции «вообще» и жонглирование определениями непродуктивны. Как уже говорилось, военное принуждение к демократии или иным, например, авторитарным политическим режимам также вызывает значительные потоки беженцев-мигрантов. Контексты миграции в этих ситуациях особенно важны с точки зрения социального восприятия и понимания их причин и последствий. В связи с чем наряду с социологическими подходами важно использование антропологических методов измерения и интерпретации социальных ситуаций и процессов.

ИММИГРАЦИЯ КАК СТРАТЕГИЯ БЕЗОГОВОРЧНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Третий контекст иммиграции касается восточной группы стран Евросоюза, для которой характерна высокая чувствительность к вопросам сохранения национальной культуры, сообщества, языка и традиции.

Будучи вовлеченным в процессы миграции в пределах европейских рынков труда, трудоспособное население из стран Восточной Европы проходит, с одной стороны, своеобразное обучение интеграции в общеевропейском социокультурном пространстве. С другой, — освобождает свои, локальные рынки труда и пространство культуры для других иммигрантов — беженцев, существование которых обеспечивается в том числе из бюджета.

Это две принципиально разные ситуации миграции, а также категории мигрантов. Мигрировавшие в Европу европейцы по опыту знают, что интеграция в сегмент общества, где они живут и работают, не предполагает никакой социальной или финансовой поддержки. Не требует она и глубокого изменения моделей родной культуры, особенно если планируется возвращение домой. Для успешной жизни в новой среде достаточно иметь профессию, освоить немногие общие правила и стандарты институциональной и повседневной коммуникации, а также английский язык.

В восточных странах Евросоюза к иммигрантам предъявляются иные интеграционные требования, предполагающие глубокое вовлечение в национальное сообщество, этнические пласты культуры принявшего общества и соответствующий национальный язык. Вследствие этого контексты миграции имеют здесь весьма показательное однообразие. Для стран Балтии важно, например, чтобы размер квоты на иммиграцию был небольшим [12].

Обязательным требованием к иммигрантам является изучение соответствующего государственного языка, культуры, получение профессионального образования и интеграция в национальное общество. Каждое из этих требований несет на себе контекстуальную печать, находящую отражение в социальных ситуациях, а также в образах, характеризующих этническое и культурные параметры населения регионов, городов и отдельных локальностей. В этой связи в странах Балтии «...опасаются не самих мигрантов, а того, что они не будут изучать местные языки и культуру...» [13].

Опыт интеграции различных этнических и культурных групп населения в так называемую «этническую группу большинства» показывает, что сценарий ускоренного включения иммигрантов является не всегда выполнимым. В этом случае иммигранты и принимающее общество могут постепенно дифференцироваться друг от друга. Этот сценарий тем более вероятен, когда принимающее общество ставит условие культурной интеграции, а наднациональные структуры предписывают финансирование некоторых групп иммигрантов без учета этих обязательств. Конфигурации социальных констелляций, возникающие при этом, характеризуются накоплением энергии разнообразных групповых стратегий социальной, культурной, экономической и политической жизни. В этих условиях группы иммигрантов либо становятся политическими акторами, либо перестают быть

религиозными, этническими и культурными. В каждом конкретном случае они отражают вектор интеграционного побуждения национального общества, транс-национального пространства или отдельной локальности.

В этом смысле интересна интерпретация отношений между иммигрантами и французами, выполненная Ж. Бодрийяром. По его мнению, есть три принципиальных ситуации, позволяющих оформляться стратегии социальной сегрегации. Первая состоит в том, что «одни и другие живут сами по себе». Вторая подчеркивает социальную дистанцию, когда «иммигранты все еще остаются для французов неприкасаемыми». Третья определяет порядок культурного взаимодействия, когда «культурные правила могут наследовать и создавать только французы» [5. С. 158].

Этнические и культурные группы населения, иммигрантские сообщества в этом случае важны не как статистическая категория, а как имеющие особенное методологическое контекстуальное значение, как социальные и культурные общности. Они выступают в роли своеобразных генераторов социальной энергии, позволяющей устанавливать направленность и характер процессов взаимодействия, выявлять факторы переопределения физических и социальных пространств, находить новые формы реконфигурации, обновления и смены идентичностей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Арендт Х.* Жизнь ума. СПб.: Наука, 2013.
- [2] *Арендт Х.* Скрытая традиция. М.: Текст, 2008.
- [3] *Арриги Д.* Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006.
- [4] *Бауман З.* Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.
- [5] *Бодрийяр Ж.* Америка. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2000.
- [6] *Брюкнер П.* Тирания покаяния: эссе о западном мазохизме. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009.
- [7] *Бурдые П.* Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.
- [8] *Гидденс Э.* Неспokoйный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем? М.: Издательский дом «Дело», 2015.
- [9] *Захария Ф.* Постамериканский мир. М.: Издательство «Европа», 2009.
- [10] *Керни Р.* Диалоги о Европе. М.: Издательство «Весь Мир», 2002.
- [11] Кризис солидарности. URL: https://lenta.ru/articles/2015/06/19/eu_crisis/2016-02-27.
- [12] Прибалтийские страны взбунтовались против решения Брюсселя. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1421337/12.02.2016>.
- [13] Прибалтика взбунтовалась против африканских мигрантов. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1419642/2016-02-27>.
- [14] *Турен А.* Идея Революции // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13. № 1.
- [15] *Хатами М.* Ислам в современном мире // *Дмитриев В.А.* Миграция: конфликтное измерение. М.: Альфа-М, 2006.
- [16] *Hawkins O.* Migration Statistics / Briefing Paper. Number SN 06077, 25 February 2016. URL: www.parliament.uk/commons-library/intranet.parliament.uk/commons-library/papers@parliament.uk/2016-03-07.
- [17] *Loeffelholz H.D.* Demografischer Wandel und Migration als Megatrends. URL: <http://www.bpb.de/apuz/33449/demografischer-wandel-und-migration-als-megatrends?p=all.2.3.2011/2016-02-12>.

IDENTITY AND CULTURE IN THE CONTEXTS OF IMMIGRATION

A.I. Kuroyatnik

Saint-Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russia

The article considers contexts and contextuality as a means to analyze the contemporary immigration, which is defined as a factor of global competition in the framework of the first context. The typical research model of 'donor-recipient' is supplemented by a third actor — political and economic world centers, and the world's multinational companies that invite migrants in order to redistribute the labor resources on the most important labor markets. Immigration is used as an instrument to regulate state social policies; immigration contributes to the social and cultural fragmentation of Europe. The second context is devoted to the study of the rationalization principle as a form of European expansion. Following the conception of A. Touraine, the author defines the rationalization as a form of expansion and as one of the European civilization features that destroys social and cultural constellations. Today Europe is divided into two parts in relation to immigration: the western part (or group of countries) reproduces the immigration model typical for the classic immigration in the past (it is open to immigration); the eastern group of countries reproduces the perception of immigration typical for the old Europe (it is closed to immigration). The determining factor of immigration is the force of attraction of economic and financial world centers; however, the new feature of immigration is that it becomes predominantly nonreturn. The third immigration context is based on the declaration of the priority of culture, traditions and values of the national community. Immigration here is undesirable, non-labor and unacceptable for local labor markets. Immigrants are refugees partly supported by the budgetary funds. Immigrants face high integration requirements such as the study of the language, culture and social norms of the host society.

Key words: sociology of migration; social anthropology of migration; immigration; contexts of immigration; culture; identity; the European Union; globalization

REFERENCES

- [1] *Arendt H.* Zhizn' uma [The Life of the Mind]. SPb.: Nauka, 2013.
- [2] *Arendt H.* Skrytaia tradiziia [Latent Tradition]. M.: Text, 2008.
- [3] *Arrighi G.* Dolgii dvadzatyi vek: Den'gi, vlast' i istoki nashogo vremeni [The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times]. M.: Izdatel'skii dom «Territoriia budushchego», 2006.
- [4] *Bauman Z.* Tekuchaia sovremennost' [Liquid Modernity]. SPb.: Piter, 2008.
- [5] *Baudrillard J.* Amerika [America]. SPb.: «Vladimir Dal'», 2000.
- [6] *Bruckner P.* Tiraniia pokaianiia: esse o zapadnom mazohizme [The Tyranny of Guilt: An Essay on Western Masochism]. SPb.: Izd-vo Ivana Limbaha, 2009.
- [7] *Bourdieu P.* Soziologiya sozial'nogo prostranstva [Sociology of Social Space]. M.: Institut eksperimental'noi soziologii; SPb.: Aleteia, 2007.
- [8] *Giddens E.* Nespokoinyi i mogushchestvennyi continent: chto zhdiat Evropu v budushchem? [Turbulent and Mighty Continent. What Future for Europe?]. M.: Izdatel'skii dom «Delo» RANHiGS, 2015.
- [9] *Zakaria F.* Postamerikanskii mir [The Post-American World]. M.: Izdatel'stvo «Evropa», 2009.
- [10] *Kearney R.* Dialogi o Evrope [Dialogues on Europe]. M.: Izdatel'stvo «Ves' mir», 2002.
- [11] Krizis solidarnosti [Solidarity crisis]. URL: https://lenta.ru/articles/2015/06/19/eu_crisis/ 2016-02-27.
- [12] Pribaltiiskie strany vzbuntovalis' protiv resheniia Briusselia [Baltic countries have rebelled against the decision of Brussels]. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1421337/> 12.02.2016.
- [13] Pribaltika vzbuntovalas' protiv africanskih migrantov [Baltic rebelled against African migrants]. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1419642/> 2016-02-27.
- [14] *Touraine A.* Ideia revoliutsyi [The idea of revolution]. *Soziologicheskoe obozrenie*. 2014. Vol. 13. No 1.
- [15] *Khatami M.* Islam v sovremennom mire [Islam in the modern world]. *Dmitriev V.A.* Migratsiia: konfliktnoe izmerenie. M.: Al'fa-M, 2006.